

КАК ДУШИЛИ ПРАВДУ О ЧЕРНОБЫЛЕ*

Директор Киевского эколого-культурного центра
В. Е. БОРЕЙКО

Преступление без наказания

Тысячи солдат работали в Чернобыле. Все они в той или иной мере пострадали, но в их медицинских карточках это не отражалось. В каком государстве такое возможно?

Политика дезинформации со временем постепенно менялась. Поскольку абсолютно замалчивать правду уже было невозможно (кое-какие сведения все равно просачивались сквозь ведомственные запреты), было проведено централизованное «дозирование» информации. С осени 1987 г. этим стала заниматься Правительственная комиссия по ликвидации аварии на ЧАЭС. Справедливости ради ее следовало бы именовать «Правительственной комиссией по ликвидации гласности об аварии на ЧАЭС», ибо именно это ей отлично удалось.

В мои руки попала ксерокопия решения этой комиссии под номером 423 от 24.09.87 г., подписанная ее руководителем Б. Щербиной, «О перечне сведений по Чернобыльской АЭС, подлежащих засекречиванию и не подлежащих открытому опубликованию». Документ ценен тем, что раскрывает авторство и механизм подготовки подобных решений. Оказывается, главным «автором» являлось «засекреченное» министерство — Минсредмаш СССР. Ему помогали — Минобороны СССР, Минздрав СССР, Госагропром СССР, АН СССР. Согласовывали — КГБ СССР, Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР и Главлит СССР. Спецы по гласности подготовили, а Правительственная комиссия подписала два списка: № 1 — перечень сведений по вопросам аварии на ЧАЭС и ликвидации ее последствий, подлежащих засекречиванию, и № 2 — пере-

чень сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати, передачах по радио и на телевидении. В первый список попали сведения о причинах и характере аварии, объемах работ и технических решениях при ликвидации ее последствий; о влиянии радиационного загрязнения на окружающую среду; вопросы радиационной медицины. Причем под грифом «совершенно секретно» шла информация о масштабах экономического и экологического ущерба в целом по стране и данные о результатах оценки ущерба по Госагропрому СССР. Остальные 18 пунктов — под грифом «секретно». А именно: данные по захоронению радиоактивных отходов; об объемах госкапвложений в ликвидацию аварии; о фактическом загрязнении сельхозугодий по Украине и Белоруссии; о заболеваниях сельхозживотных после аварии; об ухудшении состояния здоровья детей; об отдаленных последствиях и частоте наследственной патологии; об увеличении частоты злокачественных новообразований у населения; о падении рождаемости, продолжительности жизни и росте смертности; о групповых и массовых отравлениях и эпидемических заболеваниях, связанных с последствиями аварии.

На сведения, «представляемые Советской Стороной в МАГАТЭ», этот перечень не распространялся. В МАГАТЭ могут быть довольны.

Считаю, что людей, составивших этот документ, необходимо привлечь к ответственности. Правовой оценки ждет и деятельность самой Правительственной комиссии. Ведь в цивилизованных странах ведомствами и иными «комиссиями» не могут быть приняты нормативные акты, касающиеся конституционных прав граждан. Иное дело страна развитого социализма «с человеческим лицом».

* Окончание. Начало в № 4.

Правительственная комиссия трудилась на совесть и «Перечни засекреченных сведений» пекла, как блины. Новый и уже более короткий список появился 29 февраля 1988 г. и был также обязательен для правительств Украины, Белоруссии и России. По-видимому, подобные перечни утверждались еще несколько раз. В результате правду о Народическом районе Житомирщины, попавшем в зону особо жесткой радиации, удалось обнаружить лишь спустя три года (!) после аварии.

Как вспоминает Алла Ярошинская, накануне Первого съезда народных депутатов СССР, 24 мая 1989 г. правительство СССР решилось-таки на частичное рассекречивание чернобыльской информации, и первые неприглушенные сведения о ядерной беде прозвучали на этом съезде. Хватка цензуры под воздействием общественности стала постепенно ослабевать.

На судебный процесс в Чернобыле над директором АЭС В. Брюхановым, главным инженером Н. Фоминым (умер позже в лагере) и начальником четвертого реакторного блока А. Коваленко пригласили аж 10 (!) иностранных корреспондентов, разрешив им посетить лишь два заседания: первое и последнее.

30 мая 1989 г. председатель Правительственной комиссии Б. Щербина издал очередное решение — № 570 — «Об изменении перечней сведений по вопросам аварии на Чернобыльской АЭС и ликвидации ее последствий»:

...«2. Отнести к числу секретных следующие сведения о:

— тактико-технических характеристиках новых средств защиты от оружия массового поражения, используемых при ликвидации последствий радиационных аварий;

...— фактических данных о степени внешнего и внутреннего облучения личного состава войск, принимающих участие в ликвидации аварии».

Но и эти рогадки уже плохо «держали».

«Разъяснительно-пропагандистская работа не дает заметных результатов», — писал в ЦК КПСС в июне

1989 г. в докладной «О сложившейся в Украинской ССР обстановке на атомных электростанциях» первый секретарь ЦК КПУ, член Политбюро ЦК КПСС В. Щербицкий.

«Кина» не будет

Режиссер «Укркинохроники» Георгий Шкляревский снял в Народическом районе Житомирской области фильм «Ми-кро-фон!» Оценить его взялось не жюри Каннского фестиваля и даже не телезрители, а ответственный работник Госатомэнерго СССР П. Верховых. В феврале 1989 г. он написал в Госкино СССР, что «считает необходимым отметить тенденциозный и односторонний подбор фактов, многие из которых, по мнению специалистов, сомнительны, с политической точки зрения могут нанести вред Советскому государству». А вот фильм Р. Сергиенко «Колокол Чернобыля» принялось оценивать... Министерство среднего машиностроения СССР. И «тормозило» полгода. А другой фильм Р. Сергиенко «Порог» — семь месяцев.

Не лучше приходилось и слову печатному. Почти два года бился за право опубликовать «Чернобыльскую тетрадь» Г. Медведева главный редактор «Нового мира» С. Залыгин.

А вот пьесой В. Губарева «Саркофаг» заинтересовался сам Н. Рыжков. Председатель Правительственной комиссии Б. Щербина справедливо писал ему в конце декабря 1986 г.: «По Вашему поручению Правительственная комиссия... рассмотрела заключение ведущих советских специалистов в области лечения радиационных поражений докторов медицинских наук, профессоров Гуськовой А. К. и Григорьева Ю. Г. по пьесе В. Губарева «Саркофаг»... Автор не позаботился о совершенно необходимом — не проконсультировался со специалистами — физиками, конструкторами, врачами, работниками соответствующих министерств. Отсюда — целый ряд незрелых, недостаточно осмысленных, топорливых суждений и выводов» (Независимое чернобыльское расследование, «Зелений світ», К., 1991).

Довольно слабая пьеса В. Губарева вышла в свет в девятом номере журнала «Знамя» за 1986 г. И то вызвала бурю негодования у «зажимщиков» гласности и даже попала на стол к главе правительства СССР.

«Секретно. Утвердить текст сообщения населению...»

Лидеры украинских коммунистов действовали по Дж. Оруэллу. Из-под пера В. В. Щербицкого 8 мая 1986 г. за номером 7/1 вышло постановление «О мерах по усилению работ, связанных с ликвидацией аварии на Чернобыльской АЭС и устранению ее последствий». Десятым пунктом предписывалось «организовать тщательно продуманную разъяснительную и воспитательную работу в трудовых коллективах и по месту жительства. ...Широко привлекать к разъяснительной работе партийный, советский, профсоюзный и комсомольский актив. ...Своевременно и аргументированно разоблачать лживые, подстрекательские измышления буржуазной пропаганды. Учитывать возможность попадания отдельных лиц под ее влияние, давать действенный отпор тем, кто распространяет ложные слухи» (архив В. Е. Борейко).

В апреле 1988 г. группа киевлян обратилась к властям города с просьбой разрешить официально отметить годовщину трагедии. Не разрешили. А человек двадцать, что все же собрались 26 апреля возле горисполкома «распространять ложные слухи», забрала милиция.

30 мая 1986 г. за номером 10/3 Политбюро ЦК КПУ издает еще один документ, направленный на дезинформацию и глушение гласности: «О плане мероприятий по усилению информационно-разъяснительной, воспитательной работы среди эвакуированного населения и тружеников зоны Чернобыльской АЭС». Во главе с зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПУ Л. Кравчуком (ныне экс-президент Украины) создали спецгруппу «глушителей», в которую вошли также цэковцы В. Барсук, Д. Дробязко,

Н. Литвин, О. Литвинов, А. Сердюк, и начали «координировать» выступления средств массовой информации и «улучшать» информирование населения. В помощь им направлялись журналисты республиканских газет. Бывший редактор газеты «Радянська Україна» В. Сиробаба вспоминал, что опытные журналисты из партийных изданий занимались в зоне отнюдь не «информированием», а цензурой. Глядели за эвакуированными из радиоактивного пекла корреспондентами районов, чтобы, не дай Бог, не написали чего-нибудь недозволенного.

Начиная с 1987 г. накануне каждой чернобыльской годовщины, по свидетельству Аллы Ярошинской, Политбюро ЦК КПСС разрабатывало «План упреждающих контрпропагандистских акций». Этой работой заведовал зав. отделом ЦК КПСС В. Фалин. 26 февраля 1987 г. секретариат ЦК КПСС утвердил такой план, опасаясь «возможных попыток подрывных центров империализма использовать годовщину аварии на Чернобыльской АЭС для развертывания очередной широкомасштабной антисоветской кампании» (приложение к совершенно секретному протоколу Секретариата ЦК КПСС № 42 от 26.02.87). Правил документ лично Е. Лигачев. 10 апреля 1987 г. запланированную ложь единогласно одобрили на заседании Политбюро ЦК КПСС.

23 марта 1987 г. мудрецы из Политбюро ЦК КПУ скопировали союзное постановление — «О мерах по противодействию антисоветской кампании в связи с годовщиной аварии на Чернобыльской АЭС». Этот документ — один из самых кратких: «Согласиться с предложениями, изложенными в записке по этому вопросу (прилагается). Тт. Ивашко В. А., Меркулову А. В. организовать исполнение». В приложенной к постановлению записке зав. отделом зарубежных связей ЦК КПУ А. Меркулов писал: «В последнее время, как показывает анализ буржуазной и буржуазно-националистической печати, в западных странах активизировалась антисоветская кампания, связанная с предстоящей годовщиной ава-

рии на ЧАЭС. В телеграмме Постпреда СССР при ООН т. Удовенко Г. И. (нынешний министр иностранных дел Украины — В. Б.) также обращается внимание на провокационный характер планируемых националистами попытках заслушать вопрос об аварии на ЧАЭС в Конгрессе США» (архив В. Е. Борейко).

Так, «оруэлловским» языком А. В. Меркулов предлагал усилить поток дезинформации за рубеж. Усилили. А «Голос Америки» и радиостанцию «Свобода» в те дни, помнится, глушили особенно старательно.

Какими же причинами — политическими, экономическими, социальными объяснить патологическое нежелание, боязнь партийных боссов сказать правду о Чернобыле? По-видимому, все объясняется проще. Соккрытие правды стало традицией в почти вековой практике большевизма. Упрятать правду ради собственной карьеры. Любой ценой. И, как правило, все сходило с рук.

Потому такую «заботу» о гласности проявляли кремлевские старцы. Ровно через месяц после катастрофы они первый и последний раз допустили к себе редакторов центральных газет и строго-настрого наказали: «Главное внимание уделить мерам, принимаемым ЦК КПСС и правительством по... ликвидации последствий аварии» («Известия», 25.04.92).

Едва ли не на каждом заседании рассматривался текст какого-либо сообщения для средств массовой информации. «Секретно. Протокол № 9. 8 мая 1986 г. (...) О выступлении по телевидению тт. Воробьева А. И. и Гогина Е. Е. Учитывая улучшение обстановки на Чернобыльской АЭС, считать целесообразным воздержаться от указанного выступления».

Ни текстов, ни фамилий их авторов в бумагах московского и киевского Политбюро нет. Практика сталинская — следы не оставлять. Интересно, что для своих, советских, информация шла одна, для стран соцлагеря — иная, для капиталистов — третья. И вот каким образом.

«Секретно. Протокол № 1, 29 апре-

ля 1986 г. (...) О правительственных сообщениях. Утвердить текст правительственного сообщения для опубликования в печати. Утвердить текст информации руководителям ряда капиталистических стран об аварии на Чернобыльской АЭС и принимаемых мерах по устранению ее последствий. Утвердить текст руководителям ряда социалистических стран о состоянии дел по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС» («Спасение», № 2, 1993).

Собственный корреспондент «Известий» Н. Матуковский из Белоруссии пробовал дойти с правдой до членов кремлевского Политбюро: «Секретно. Приложение к протоколу № 28. Теле-тайписткам. Эту телеграмму не показывать никому кроме главного редактора. Копию уничтожить. (...) Информация. Сообщаю для Вашего сведения, что радиационная обстановка в Белоруссии значительно усложнилась. (...) Все телефонные разговоры на эту тему у нас категорически запрещены. 8 июля 1986 г. Н. Матуковский».

— «Секретно. Протокол № 7, 6 мая 1986 г. (...) Согласиться с предложением Минздрава СССР о целесообразности опубликования данных о количестве и состоянии больных, находящихся на излечении в 6-й больнице Москвы, учитывая тот факт, что в этой больнице работают американцы».

— «Секретно. Протокол № 3, 1 мая 1986 г. (...) Направить в районы, прилегающие к зоне размещения Чернобыльской АЭС, группы советских корреспондентов с целью подготовки материалов для печати и телевидения, свидетельствующих о нормальной жизнедеятельности этих районов».

Партийные архивы могут многое рассказать о трагедии Чернобыля. Теперь гриф «Секретно» с них снят. Будем надеяться — окончательно и навсегда. Ведь ограничение информации о трагедии может стать не меньшим злом, чем сама трагедия.